

DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-226

УДК 130.2:929:78.071.2

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ НОСТАЛЬГИИ КАК ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В ГОРОД ДЕТСТВА: Ф.И. ШАЛЯПИН И КАЗАНЬ

Е.Л. Яковлева

Статья посвящена анализу ностальгии в жизни Ф.И. Шаляпина, что определило новизну работы. С помощью биографического и аналитического методов исследования на основе автобиографической прозы и писем Федора Ивановича, воспоминаний о нем близких людей выявлено, что Казань как город рождения и юности играл для певца роль значимого символа. Федор Иванович ностальгировал по Казани, особенно после эмиграции. Метод исторического моделирования позволил обнаружить амбивалентные черты шаляпинской ностальгии, имевшей для него неоднозначные последствия. В жизни и деятельности певца пересеклись реставрирующая ностальгия, связанная с творчеством, и рефлексивная ностальгия, в контексте которой осознавалась невозвратность прошлого и конечность человеческого бытия. При этом в последние годы жизни артиста (из-за пространственно-временного разрыва с Россией и отсутствия энергичной подпитки) рефлексивная ностальгия с ее пессимистическими настроениями заняла господствующие позиции. У Федора Ивановича стало преобладать трагическое мироощущение, что способствовало его скоростижной смерти. Ностальгия как вечное возвращение в памяти к страницам казанской жизни свидетельствовала о силе характера артиста, способного заново пережить (ва)ть не только позитивный, но и негативный опыт и использовать его в ситуативности жизни и творчестве. Результаты проведенного исследования способствуют дальнейшему изучению

ностальгии в жизнедеятельности творческих личностей, что позволит выявлять ее особенности в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: Федор Иванович Шаляпин; Казань; Суконная слобода; ностальгия; реставрирующая ностальгия; рефлексирующая ностальгия; Россия; идея вечного возвращения

Для цитирования. Яковлева Е.Л. Амбивалентность ностальгии как вечного возвращения в город детства: Ф.И. Шаляпин и Казань // *Russian Studies in Culture and Society*. 2024. Т. 8, № 1. С. 34-58. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-226

Original article | Theory and History of Culture and Art

THE AMBIVALENCE OF NOSTALGIA AS AN ETERNAL RETURN TO THE CITY OF CHILDHOOD: F.I. CHALIAPIN AND KAZAN

E.L. Iakovleva

The article is devoted to the analysis of nostalgia in the life of F.I. Chaliapin, which determined the novelty of the work. With the help of biographical and analytical research methods based on autobiographical prose and letters of Fyodor Ivanovich, memories of his loved ones, it was revealed that Kazan, as the city of birth and youth, played the role of a significant symbol for the singer. Fyodor Ivanovich was nostalgic for Kazan, especially after emigration. The method of historical modeling revealed ambivalent features of Chaliapin's nostalgia, which had ambiguous consequences for him. In the life and work of the singer, restoring nostalgia associated with creativity and reflective nostalgia intersected, in the context of which the irrevocability of the past and the finiteness of human existence were realized. At the same time, in the last years of the artist's life (due to the spatial and temporal gap with Russia and the lack of energy supply), reflective nostalgia with its pessimistic moods took dominant positions. Fyodor Ivanovich's tragic worldview began to prevail, which contributed to his sudden death. Nostalgia, as

an eternal return to the pages of Kazan life in memory, testified to the strength of the artist's character, who was able to relive not only positive but also negative experiences and use them in the situationality of life and creativity. The results of the conducted research contribute to the further study of nostalgia in the life of creative personalities, which will allow us to identify its features in each specific case.

Keywords: *Fyodor Ivanovich Chaliapin; Kazan; Sukonnaya Sloboda; nostalgia; restoring nostalgia; reflecting nostalgia; Russia; idea of eternal return*

For citation. *Iakovleva E.L. The Ambivalence of Nostalgia as an Eternal Return to the City of Childhood: F.I. Chaliapin and Kazan. Russian Studies in Culture and Society, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 34-58. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-1-226*

Введение

Описать *ностальгию* как коллективный и индивидуальный феномен довольно трудно. На данный факт указывают даже те, кто ее ощутил и попытался рефлексировать над сопряженными с нею состояниями. В научно-исследовательской литературе мы не найдем единой трактовки ностальгии как экзистенциально-психологического самочувствия. Исследователь С. Бойм считает, что ностальгия есть тоска по прошедшим временам, оставленной Родине, покинутому или брошенному дому, первоначальному и/или значительному этапу жизни, людям и взаимоотношениям с ними. Л.В. Чеснокова соотносит ностальгию «с тоской по подлинному бытию», «стремлением человека освободиться от собственной неукорененности», а также со «страданием по невозможности возвращения собственной жизни, нереализуемой жаждой удержания преходящего времени» [20, с. 126, 128]. Ностальгия связана с опытом потери. Тоска по Родине становится ярко выраженной после расставания с ней, когда «вехи бывшей отчизны обретают эмоциональную значимость»: «чем сильнее утрата, тем больше сверхусилия по увековечиванию памяти о ней, тем сильнее отдаляется прошлое и тем заметнее оно подвергается идеализации» [3, с. 129, 58].

Прояснить понимание особенностей индивидуальной ностальгии по прошлому и Родине помогает автобиографическая проза творческих людей. И в нашей статье мы обращаемся к личности Федора Ивановича Шаляпина (1873–1938), оставившего после себя довольно большое литературное наследие.

Великий русский певец Ф.И. Шаляпин прошел сложный путь к вершинам своей славы. Но в его памяти навсегда остались образы далекого прошлого, в том числе связанные с городом рождения и юности. Об этом свидетельствует тот факт, что в его воспоминаниях довольно часто фигурировала Казань. Именно ее он упоминал в автобиографической литературе, интервью, общении с друзьями и родственниками. Подобное неслучайно: Казань была дорога его сердцу. Так, Е.П. Пешкова подчеркивала, что Федор Иванович «любил Россию, любил Волгу, Казань – лучший из городов, – как он говорил» [4, с. 164]. В письме к М. Горькому от 1928 г., характеризуя Казань, певец писал: «как перед глазами вырос в памяти моей этот прекраснейший (для меня, конечно) из всех городов мира – город» [5, с. 167]. На данный факт указывают и дети артиста. Возможно, сам певец в полном объеме не осознавал судьбоносности города своего рождения [23] и испытываемой по нему ностальгии.

Цель исследования: выявить специфику ностальгических настроений великого русского баса Федора Ивановича Шаляпина о городе Казани как месте рождения и юности.

Материалы и методы

Методами исследования избраны биографический и аналитический, а также метод исторического моделирования (ретроспективный). Благодаря им реконструируется индивидуальное «восприятие города как части культурной среды» [11, с. 53], влиявшее на процесс самопознания и саморефлексии творческой личности и определявшее ход ее жизнедеятельности. Исходя из позиции, что город для каждого жителя «представляет собой среду, как для проживания, так и социальных взаимодействий, формирования идентичностей и культурных выражений» [11, с. 51], выявим особенности ностальгии

по Казани в жизни Ф.И. Шаляпина.

Результаты и обсуждение

Певец родился в *Казани*, и многие эпизоды его детства и юности были связаны с *Суконной слободой* [23]. Своим появлением слобода обязана Петру I, озаботившимся обеспечением армии сукном. Слобода группировалась вокруг суконной фабрики (шерстяной мануфактуры) на Шарной горе (1714-1881). Работали на мануфактуре крестьяне, осужденные за проступки. Именно они и стали первыми жителями слободы. В 1796 г. Суконная слобода по количеству дворов (насчитывалось 628) была самой большой. Ее жители составляли примерно 25,5% от населения Казани. По социальному составу население Суконной слободы уже к началу XIX века стало неоднородным. В 1849 г. население Суконной слободы вошло в состав городского сословия, получив статус казанских мещан. В Метрической книге церкви Сошествия святого Духа в 1879 г. можно найти следующие сведения социального происхождения родителей новорожденных детей в Суконной слободе: 56% – мещане, 28% – крестьяне, 16% – мелкие чиновники, цеховые ремесленники, унтер-офицеры. Контингент слободы отличался *свободолюбием*, что способствовало различным столкновениям, в том числе с хозяевами фабрики и представителями власти. Юный Шаляпин, самостоятельно изучая городские пространства, сначала неосознанно, а позже осознанно впитал в себя дух свободы. Погруженность до 1922 года в русскую социально-историческую среду, в водоворот ее событий, связанных с коренной ломкой всей государственно-политической системы и устройства общества, способствовали проявлениям у певца определенной доли оппозиционности и бунтарства, характерных для выходцев из казанской Суконной слободы. Федор Иванович отличался *свободолюбием*, что наиболее ярко проявилось в его бунте против господствовавших на оперной сцене канонов и формировании собственной манеры исполнительства.

Казань и ее Суконная слобода в период детства и юности Федора Ивановича представляли собой колоритное и довольно противоречи-

вое пространство. В конце XIX века Суконная слобода не отличалась от других казанских слобод: в ней царили нужда, низкий уровень культуры, безграмотность, пьянство с неприглядным выяснением отношений. Как вспоминал артист, «среда казанской Суконной слободы... была особенно грубой» [21, с. 233]. Контрастом к малопривлекательной повседневности выступали народные праздники, в которых с удовольствием принимал участие юный Шаляпин. Мальчик водил хороводы, пел русские народные песни. Противоречивость среды и человеческих проявлений в ней были восприняты будущим артистом. В своем письме М. Горькому от 1928 г. он признавался, жизнь в Казани была разнообразной: «счастье и несчастье, будни и масленицы» и... Казанский театр, при воспоминании которого Шаляпин «чуть не заплакал, остановив воображение» [5, с. 167].

Город выступает в качестве «своеобразного чувственно-воспринимаемого контекста бытия человека, представленного в форме неких индивидуальных «кристаллов» восприятия, единичных элементов понимания», что «приводит к переосмыслению того, в каком отношении человек находится с окружающей действительностью» [4, с. 18, 19]. Первоначальное восприятие Казани как города рождения и юности у Федора Ивановича было по-детски непосредственным и поверхностным. Позже к эмоциональному переживанию казанских пространств и связанных с ними ситуаций и событий, в круговороте которых оказывался мальчик, добавилось рациональное осмысление места и полученного в нем опыта. По прошествии значительного времени Шаляпин идеализировал Казань. В воспоминаниях Федора Ивановича, написанных через довольно большой промежуток времени после отъезда из Казани, облагорожен тон его эмоций, переживаний и чувств, вызванных городской средой. Многие казанские события были перемешанными между собой. Несмотря на тяготы жизни семьи, Шаляпин был вдохновлен сценами казанской повседневной жизни, праздничной культурой, колоритными характерами и образами жителей, типичными звуками и запахами Суконной слободы, пронеся память о них через всю жизнь и испытывая тоску по прошлому.

Пытаясь понять природу ностальгических настроений Ф.И. Шаляпина о городе рождения и юности, необходимо ответить на вопрос: что было особо значимым в казанский период жизни? Отвечая на него, выделим следующие моменты.

Именно в Казани юный Федор Иванович познакомился с балаганом, драматическим, опереточным и оперным театром, что помогало временно забыть о неприглядных сторонах жизни и способствовало формированию творческих навыков, определивших шаляпинскую жизнь. Увиденные в детстве и ранней юности в Суконной слободе колоритные фигуры жителей были перенесены Шаляпиным в работу над ролью, способствуя передаче различных психологических состояний. Певец подчеркивал: «необходимые, повседневные, реальные поступки нашей Суконной слободы, могут быть претворены в прекрасные действия» [21, с. 234], имея в виду свое сценическое творчество.

Казань стала началом вокальной и сценической карьеры певца. Юный Шаляпин пел во многих церковных приходах, в том числе в церкви Сошествия Святого Духа, Петропавловском и Воскресенском соборах. В Казанском театре «Шаляпин первый раз вышел на сцену статистом, впервые выступил хористом и в сольной партии в опере, стал профессиональным артистом; здесь, благодаря таким замечательным руководителям театра, способным к самопожертвованию, как П.М. Медведев, А.А. Орлов-Соколовский, В.Б. Серебряков, он сделал первые шаги к постижению высшей правды сценического образа» [5, с. 167]. В казанском Панаевском саду Федор Иванович пересмотрел и прослушал весь современный драматический и опереточный репертуар. Работая в Казанской уездной земской управе, Шаляпин в 1889 году был взят штатным актером в антрепризу В.Б. Серебрякова, где в зимний сезон 1889-1890 гг. ставились драматические произведения. Весной 1890 г. Ф.И. Шаляпин исполнил партию Зарецкого в «Евгении Онегине» П.И. Чайковского, что считается «первым сольным выступлением в опере» певца [5, с. 99].

В целом, новизна городских пространств и их освоение, свобода в передвижениях и проявлениях, малая зависимость от культурных

условностей общества, изучение своего Я и восторг от открытия новых возможностей, интенсивное встраивание в жизнь, увлечение творчеством, характерные для детства и юношества беззаботность, непосредственность и быстрое забывание негативного, мечты о лучшем будущем, способствуя эмоциональному и интеллектуальному развитию, оставили яркий след в памяти Ф.И. Шаляпина и способствовали ностальгированию по казанскому прошлому.

В 1890 г. семья Шаляпиных покинула Казань в поисках лучших условий жизни. Но Федор Иванович неоднократно возвращался в город (в 1891, 1892, 1897, 1899, 1909, 1912, 1916-м гг.). Целью последних поездок в Казань была потребность «восстановить в памяти годы детства и юности, записать необходимые сведения для задуманной им автобиографии» [5, с. 132]. В результате сбора данных о городе детства и юности и их фиксации на страницах автобиографической прозы «происходит своеобразная трансформация *географического места в место гения*» [23]. Творец словно окружает памятное место особой оболочкой – аурой, что позволяет ему возвращаться в своей памяти в прошлое, длить полученные впечатления, ностальгировать и размышлять в контексте избранного пространства о собственном опыте. «Конкретная пространственность гения конституирует его как экзистенциальное», благодаря чему «место становится сферичным, открытым и закрытым одновременно, формирующим свои пространственные законы и свою приватную воображаемую географию» [7]. Воспоминания о городе позволяют схватить «экзистенциальное «ускользание» какого-то более важного, более глубокого образа» [7], являющегося значимым для художника, что помогает ему прояснить логос бытия и собственного существования. Шаляпин и образ города его рождения и юности, воспроизводимый в памяти, рождают *склеенный ландшафт* как «единое пространство амбивалентных, противоречивых, полуразрывных образов» [8]. Федор Иванович сохранил в памяти субъективный образ города, воспринятый им в детстве и юности. Но данное представление в реальности стало небытийным в силу разного рода временных изменений городского пространства. Он

«воссоздавал в памяти Суконную слободу в том виде, в котором она уже не существовала» [23]. Тем не менее, для него это было сакральное пространство, по которому он любил ностальгировать.

«Нет родины без ее утраты»: только «вдали от родного дома, родины острее чувствуется их ценность» [20, с. 127]. Именно дистанцирование от родины (во времени и пространстве) становится истоком ностальгии. Отметим, тоска по Казани и России дала о себе знать уже в период первых зарубежных поездок и гастрольных туров баса. Ненадолго выезжая за границу, певец мечтал о скорейшем возвращении на родину. Не хватало Шаляпина России. Так, отдыхая в Швейцарии, он признавался в письмах А.М. Горькому, что и пейзажи здесь как из папье-маше, и люди спокойные и услужливые. Все вызывает скуку и желание увидеть свое, родное, русское. Швейцария заставила вспомнить певца Казань, где «места с пригорками названы «русской и немецкой Швейцарией»» (письмо Ф.И. Шаляпина А.М. Горькому от первой половины августа 1911 года) [17, с. 339].

Ностальгическими настроениями по родному городу Шаляпин был захвачен в зрелые годы и особенно в период эмиграции (с 1922 г.). Федор Иванович признавался: «Суконную слободу мы всюду возим с собою», а некоторые эпизоды жизни «немножко напоминали мне (Шаляпину – *примеч. авт.*) Суконную слободу» [22, с. 198, 138]. Певец, уехавший из Казани в 1890 г., был энергично связан с местом своего рождения: любимый топоним «имеет определенную силу, некое притяжение» [20, с. 127]. Многие жизненные ситуации заставляли его (вновь и вновь) вспоминать казанский ландшафт. Так, в письме к дочери Ирине Федоровне от 25 мая 1934 года из Каунаса, где проходили гастроли, Федор Иванович напишет о чувствах, которые вызвал город и прогулки по нему. Перед ним вновь всплыл образ города детства: «Я в России!!!... Захожу в переулки. Старые дома деревянные, железные крыши, калитка, а на дворе булыжник, и по нем травка. Ну, так, как бывало у нас в Суконной слободе» [17, с. 538].

Подчеркнем, отъезд из России как экзистенциальный поворот в судьбе тяжело дался артисту. Он понимал невозможность жить в

советских реалиях, где его контролировали, заставляли выступать на мероприятиях с политической окраской, нередко шантажировали. Но при этом долгое время Федор Иванович не мог решиться на разрыв с родиной, оказавшимся для него трагическим шагом. Мучительная дилемма *бежать – остаться* вводила певца в отчаяние и беспокойство. Он не мог примириться с мыслью о разлуке с Россией, где он «сковал себе не только то, что можно видеть и осязать, слышать и обонять, но и где... мечтал мечты» [21, с. 372]. Шаляпин любил Россию, но испытывал неприязнь к новому укладу жизни. Особую роль в принятии решения об отъезде сыграла его вторая жена Мария Валентиновна Петцольд, постоянно *нашептывающая* о необходимости бежать из России. Ее не устраивал расстроенный революционными преобразованиями быт, нарушенная стабильность положения Федора Ивановича при советской власти. Ставку в манипуляции артистом женщина сделала на его благополучие. Шаляпин опасался за свою сценическую карьеру, что заставило его пойти на крайние меры и принять трудное решение. Сыграла свою роль и русская ментальность, для которой характерно определенное идолопоклонство перед Европой. Впоследствии певец, подпытывавшийся и творивший благодаря глубинным связям с родиной, ощутит негативность последствий принятого шага. Вынужденный переезд в Европу сделал русского певца оторванным от своих корней географическим расстоянием и социокультурной дистанцией. Переживание разрыва с Россией тяготило певца и придавало драматические ноты его жизни. «Шаляпин без российских просторов, рек и лесов, без пушистого снега и без всего, что вмещается в понятие Родина, – это поистине великая мука» (А. Попов) [18, с. 426]. С этой душевной болью он прожил до конца жизни.

Пространственно-временной разрыв с Родиной и Казанью заставлял Федора Ивановича постоянно возвращаться в памяти к родным местам и с ужасом осознавать: «все это далеко-далеко и бог знает когда увижу» [17, с. 520]. Данная экзистенциальная ситуация носила травмирующий характер, делая великого артиста напряженным, подавленным, недовольным. При этом певец всегда избегал

разговоров о ностальгии. Шаляпин отрицал факт тоски по России и даже стеснялся его, объясняя ситуацию скитальческим (гастрольным) образом жизни. Возможно, ностальгия была болезненным для него состоянием, затрагивающим струны души. Как резюмирует С. Бойм, «ностальгия – это боль, связанная со смещением во времени и пространстве», в объятиях которой личность осуществляет свой *роман с прошлым* или *роман с собственной фантазией* [3, с. 110].

Эмоциональный фон, обусловленный воспоминаниями о прошлом, обладает довольно широким диапазоном субъективных проявлений, включающих противоречивые чувства: любовь и ненависть, радость и печаль, счастье и уныние, мечтания и безысходность, утешение и истязания небытийностью/забвением. Мысли о России и Казани «разнообразные и беспорядочные, в разные цвета окрашенные» вызывали у Шаляпина гордость, радость, сожаление, грусть, желание «петь и плакать в одно и то же время» [21, с. 224]. Своему другу художнику К.А. Коровину Федор Иванович в эмиграции с горечью признавался: веселой жизни, как в России, «не будет уже никогда» [18, с. 150]. Перечисленное доставляло Шаляпину *дискомфорт: испытывая потребность вернуться в прошлое и в Россию, он понимал невозможность возврата*.

В зависимости от ситуативности жизни индивид может не только (ненадолго/навсегда) вернуться на Родину, но и постоянно откладывать поездку, находя для этого причины. Именно второй вариант обнаруживается в судьбе Ф.И. Шаляпина. Всецело своей мятущейся душой певец рвался на родину, мечтал вернуться. Своими мыслями Шаляпин «несся назад, в прошлое, к ... милой родине» [21, с. 423]. Но его вторая жена Мария Валентиновна Петцольд ничего не хотела слышать о возвращении в Россию, неприязненно относясь к подобным разговорам. Более того, она сыграла на шаляпинских страхах: возможности оказаться в новой России несвободным и всеми забытым, влачащим бедное существование. Неслучайно в письмах дочери Ирине Федоровне певец признавался, что необходимо много работать, чтобы деньги были на черный день и *будущее предсмертное увядание* (Ф.И. Шаляпин). Как считают многие из окружения

Федора Ивановича, в силу властного характера М.В. Петцольд артист не приехал на родину и умер на чужбине. Шаляпинская дочь Ирина Федоровна, намекая на вторую жену отца, напишет: «окружающие, действуя в личных интересах, всячески старались воспрепятствовать его возвращению» [18, с. 24].

Если личность не возвращается в любимые пространства, то выхода из мучительного состояния ностальгических переживаний не существует. С щемящими чувствованиями необходимо смириться, принимая их в качестве неизбежности, и пережи(ва)ть их (в эмоциях, поездках по миру, снах, мечтах, творчестве).

Пытаясь уменьшить силу ностальгических настроений, певец старался быть в курсе событий, происходящих на родине. До конца жизни он не потерял интереса к России: покупал газеты на русском языке для эмигрантов, слушал советское радио, читал романы советских писателей, смотрел кинофильмы советских режиссеров. Так, за год до смерти певец восхищался просмотренным кинофильмом «Петр I» по одноименному роману А. Толстого (режиссер Владимир Петров, 1937).

Еще одним способом, помогающим снизить подавляющие пессимистические состояния, стало общение с близкими по духу людьми (как правило, выходцами из России). Дело в том, что «в русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры» [2, с. 98]. Русский человек рождает культуру из себя, из глубины своей души, постоянно подпитываясь энергией родины. Несмотря на пространственный разрыв с Россией, у Шаляпина остались русские корни, русское искусство, русские связи и друзья. Они оказались той энергичной подпиткой, которая определенное время поддерживала Федора Ивановича. В общении с русскими одной из главных тем была Россия и воспоминания о ней.

Необходимо признать, воспоминания певца о России были довольно часто связаны с Казанью и Суконной слободой, из которых он когда-то вырвался, начав свои скитания. В своей памяти артист вновь и вновь возвращался к значимым для него пространственным

меткам. Федор Иванович признавался: «грущу о неповторимом тоне часто нелепого уклада наших Суконных слобод», «где все же между трупоб растет сирень, цветут яблони и мальчишки гоняют голубей...» [21, с. 423]. Это были светлые воспоминания (нередко о мрачных сторонах жизни) умудренного драматическим экзистенциальным опытом человека.

Анализируя ностальгию, С. Бойм различает два ее вида – реставрирующую и рефлекслирующую. Так, *реставрирующая ностальгия* помогает «восстановить утраченный дом и заполнить пробелы в памяти», реконструировать символы родины (особенно в творческой деятельности и искусстве), посредством которых возможно мысленное возвращение к истокам [3, с. 103]. В свою очередь *рефлекслирующая ностальгия* помогает припомнить прошлое, воссоздать в мемуарах и нарративах, идеализируя его [3, с. 103] (и понимая со временем трагедийность невозвращения).

Оба вида (реставрирующей и *рефлекслирующей*) ностальгии пересеклись в судьбе Федора Ивановича Шаляпина. В своей памяти Федор Иванович сохранил эпизоды из русской (и казанской) жизни, которыми любил делиться в кругу семьи и друзей. Певец позиционировал себя как представитель русской музыкальной культуры и продолжатель ее лучших традиций. В его репертуаре до конца жизни были произведения русских композиторов, их оперы и романсы, что спасало от ностальгических настроений и безысходной тоски по родине. Выступая с русским репертуаром, Шаляпин мысленно возвращался в Россию. Но в беседе с сыном Борисом Федоровичем артист с горечью признавался: «петь по-русски, когда вокруг не знают языка, невыносимо трудно»; «трудно, когда тебя не понимают» [14, с. 115].

Купив в середине 20-х годов XX века участок земли в Сен-Жан-де-Люз (на юго-западе Франции), Федор Иванович воссоздал в нем уголок России, выбрав место с лесом и речкой, где можно было бы ловить рыбу, к чему он пристрастился еще в Казани. Шаляпин любил в цветущем саду выпить кофе, а в минуты щемящей тоски по родине читал произведения любимого А.С. Пушкина. Перед его

взором всплывали картины из русской жизни, русские пейзажи с запахами сосен и березок. Он вдохновенно цитировал строчки из пушкинского «Евгения Онегина»:

*Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желания – покой,
Да щей горшок, да сам большой [15].*

Постоянные воспоминания о России и Казани позволяют провести параллель с ницшеанской *идеей вечного возвращения*. В своем сознании Шаляпин словно хотел повернуть время вспять и повторить избранные события прошлого, прожив их вновь, но на новом витке собственного развития. Данные воспоминания демонстрировали шаляпинский способ существования в бытии, обнажая (не)явно ценность прожитого, обладающего значимым смыслом, и желание вновь погрузиться в него. Как писал Ф. Ницше, «нужно хотеть исчезнуть, чтобы снова возникнуть – перейти из одного дня в другой», «и в конце концов – снова пожелать пройти все это» [13, с. 181]. При этом возврат к прошлому никогда не повторял в деталях прожитое, внося в него мысленные коррективы и даже идеализируя его. Возвращается *подобное*, но не тождественное. Здесь мы встречаем *повторение с вариативностью* или *возвращение различного*. В этом отношении Ф. Ницше соединил вместе философские проблемы становления и ценностей, утверждая, «все становится и вечно возвращается – ускользнуть невозможно» [13, с. 549]. Вновь переживая

экзистенциальные эпизоды, личность оказывается не тождественной себе. Как справедливо заметил Ж. Делез, «оказавшись перед лицом повторений... в нас самих, мы не перестаем извлекать из них небольшие различия, варианты и модификации» [6, с. 9].

Вечное возвращение к прошлому свидетельствует о силе характера Федора Ивановича, адекватно воспринимающего жизнь и имеющего решимость вновь пережить ее радости/печали/тяготы, используя опыт прошлого в настоящем и будущем, в том числе в творческом процессе. Но постоянное возвращение к прошлому показывает и свою противоположную сторону, связанную с трагедийностью существования, невозможностью властвовать в бытии, отсутствием смысла жизни, усталостью от себя и неосуществимостью желания вырваться из этого круга. Вечное возвращение оборачивается *величайшей тяжестью* (Ф. Ницше), которую человек обречен нести.

В период эмиграции Федор Иванович во всей полноте ощутил тяжесть воспоминаний. Его ностальгические настроения стали заявлять о себе по нарастающей, что делало артиста удрученным и депрессивным. Шаляпинская тоска «иногда... достигала большей остроты и напряженности, иногда ослаблялась», сопровождаясь «чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира» [1, с. 69]. Испытываемые чувства делали певца несчастным. Отсутствие поездок в Россию привело к истощению ее энергичной силы воздействия. Певец «скачал о простом, родном сеновале, где так незаменимо попахивает сеном и русскими лошадаками», осознавая, что «вероятно, надолго, если не навсегда, придется расстаться с этими милыми запахами, которые вдыхались в течение всей жизни полной и свободной грудью...» (из письма Ф. И. Шаляпина А. М. Горькому от 16 сентября 1925 года) [17, с. 356].

В эмиграции Федор Иванович никогда не расставался с мыслью о реальном возвращении в Россию. Хотя на родине великого баса обвиняли в низменных моральных качествах, предпочтениях сытому благополучию, он тосковал по отечеству. Даже искаженные интерпретации личности певца в советской прессе и драматический разрыв с Горьким не умили пыла Шаляпина по отношению

к России. Возможно, горечь от осознания ситуации приглушали слова шаляпинского персонаж Сальери (опера Н.А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери»): «Нет правды на земле. Но правды нет и выше...».

В эмиграции Шаляпин довольно часто задавался вопросом: почему он не в России? И не мог честно ответить на него, мечтая вернуться в отечество. В письмах к дочери Ирине Федоровне он признавался в своей любви к России до конца жизни. Как вспоминала она, «каждый год вдали от родины был наполнен глубокими и тяжелыми переживаниями, иногда настоящей тоской» [14, с. 31]. Известно, что под конец жизни Федор Иванович часто гастролировал в странах, граничных с Россией. Перед самой своей кончиной, как вспоминала дочь Марфа Федоровна, Шаляпин «больше всего тосковал о днях своего детства, полного нищеты и лишений», понимая, что подобные воспоминания – знак приближающейся смерти [14, с. 179]. Он даже собрался в 1937 году вернуться в Россию. Возможно, Федор Иванович интуитивно предчувствовал смерть, на что указывали и его состояния отчаяния и ощущения трагического раскола [24]. Певец, утратив свою энергичную подпитку, связанную с бытийствованием в России (и Казани), оказался потерянным в жизни.

Тоска сигнализировала о неприятии певцом сложившегося положения дел. Шаляпинская настроенность на жизнь в эмиграции стала мрачной, исчез русский кураж и широта души. Экзистенциальный трагический опыт, обусловленный разрывом с родным пространством, отразился на характере и внешности певца. Данный факт подчеркивали все, кто знал артиста и помнил, каким он был в России. Его друг К.А. Коровин отметил, что он «никогда не видал Шаляпина и в России в столь мрачном настроении»: «что-то непонятное было в его душе», «он так не сочетался с обстановкой, роскошью, которой был окружен» [18, с. 148]. Федор Иванович стал походить в последние годы жизни на некоторых своих оперных персонажей: «был гневен, как Грозный, разгулен, как Галицкий, и трагичен, как Борис» [18, с. 150]. Увидевший Шаляпина в Париже писатель Л. Никулин отметил, у баса «исчезли мягкие, округлые

черты лица, исчез задорный, лукавый взгляд в упор», «взгляд стал каким-то тревожным, тяжелым, настороженным, седые насупившиеся брови придавали суровое, мрачное выражение лицу», «он сильно похудел, казался еще выше, исчезла пропорциональность в сложении, которая так восхищала на сцене», «резкие, глубокие морщины легли у ноздрей» [18, с. 438].

Обратим внимание и на раннюю смерть Федора Ивановича Шаляпина в возрасте 65 лет. Одной из ее причин можно назвать настроения, вызванные рефлексирующей ностальгией: на психосоматическом уровне они способствовала лейкозу. Ностальгия как травмирующая ситуация и недовольство средой обитания инициировали развитие раковых клеток. Рак «указывает на сильнейшее неравновесие между индивидом и средой» [16, с. 360]: «перегруженный организм теряет контроль», насаждаясь *чуждыми клетками-мутантами*, а их рост «становится злокачественным» [16, с. 361]. Признание драматичности и даже трагичности собственной жизни осуществилось на сознательном и бессознательном, рациональном и эмоциональном, душевном и телесном уровнях. В итоге произошло «нарушение динамики физиологических процессов (баланса возбуждения и торможения) на уровне коры головного мозга» [11], вызвав смертельное заболевание.

Как отметила дочь Ирина Федоровна, Шаляпин в конце жизни «все более глубоко страдал вдали от родины»: «он понял всю трагедию своей жизни, осознал свою ошибку, но... поздно», «он был уже на пороге смерти» [18, с. 80]. Незадолго до финала своей жизни Федор Иванович интуитивно ощутил близость смерти. Во время своих последних встреч с К.А. Коровиным он расспрашивал о том, кто из их общих знакомых умер. Ему было страшно *от незнания людей о смерти*. Шаляпин считал странной собственной иллюзией о том, что смерть не коснется его. К последней жизненной черте русский певец подошел опустошенным. На пороге смерти певец вопрошал: «За что я должен так страдать?». Необходимо признать, что смертельно больной Шаляпин испытывал не только физические, но и духовные страдания, обусловленные ностальгическим настроением. Умер Федор Иванович глубоко несчастным человеком. Данным фактом объясняется выбор место захоронения

великого певца – *кладбище Батиньоль*, где он хотел затеряться и навсегда быть оставленным в покое. Дело в том, что более популярными у русской эмиграции были кладбища Сент-Женевьев-де-Буа или Пер-Лашез. Как сообщает Г. Гуляницкая, на кладбище Батиньоль указал сам Ф.И. Шаляпин, выбрав себе место захоронения. Но истинных мотивов подобного выбора никто не знал. Незадолго до смерти Шаляпин понял, что его мечта быть похороненным в России на Волге (возможно, в Казани) не исполнима. Он устал от жизни вдали от родины, был истощен ностальгическими настроениями и болезнью, мечтал о собственном небытии. Об этом он пел и в бетховенском романсе «Под камнем могильным...» (на стихи Дж. Карпани):

*О, дай под камнем могильным
мне уснуть вечным сном!*

*Нет для меня уж возврата,
забудь же о былом!*

*Но нет в могиле покоя,
Смерть мне его не дала.*

*Зачем своей мольбой терзаешь,
Мучишь ты меня?*

*О, сжался и дай под камнем могильным
Мне уснуть вечным сном;
нет для меня уж возврата,
забудь же о былом!*

О, сжался! [9].

Кладбище Батиньоль отличается «геометрической четкостью его планировки»: «могилы образуют каре, прямоугольники по сорок... черных мраморных плит в каждом каре. Каре называются эскадронами. Эскадроны пронумерованы, как и каждая могила внутри эскадрона. Только по номеру и можно отыскать нужную тебе могилу» [19, с. 245]. Но и среди номеров можно блуждать долго без помощника. Сама надгробная плита не имеет ничего выдающегося, поэтому Шаляпин оказался затерянным среди огромнейшего количества умерших. Мечта Шаляпина быть похороненным в России, на берегу Волги в сосновом гробу умерла вместе с ним, но осталась в

строчках написанной им песни (письмо дочери Ирине Федоровне от 4 мая 1923 года из Лос-Анджелеса):

*Эх вы, песни, мои песни!
Вы родились в сердце, песни,
Вы облились моей кровью,
И пою я вас с любовью
Всему миру, песни –
мои песни!...*

*Если смерть придет, то знайте!
Вы меня не покидайте!
Вместе с звоном колокольным
Вы неситесь вихрем вольным
По полям и по сугробам
За моим сосновым гробом
На мою могилу, песни!
Мои песни!*

*Эй, эй, вы песни, песни-птицы!
Рассказы-небылицы!
Летайте соловьями,
а я с вами [10].*

Заключение

Ностальгия (в большей/меньшей степени) присуща человеку, но у каждого – свой модус ностальгических настроений и их выражения. Наибольший интерес представляет тоска по прошлому и родине талантливых индивидов, демонстрировавших собственные переживания и мысли в автобиографической прозе, эпистолярном наследии и творчестве. К числу таких людей можно отнести русского певца Федора Ивановича Шаляпина. В зрелые годы своей жизни артист испытывал ностальгию, усилившуюся после его эмиграции. Именно ностальгия позволила выявить особый топос, к которому чувствовал певец свою принадлежность. В основе ностальгических настроений Федора Ивановича лежали воспоминания о России и Казани как городе рождения и юности. Постоянно возвращение в воспоминаниях к эпизодам

из казанского детства и юности свидетельствует об их ценности. В ностальгических воспоминаниях Федора Ивановича Казань стала точкой вечного возвращения: в ней пересеклись пространственная и временная координаты, вмещающие в себя экзистенциальный опыт. Детско-юношеские впечатления о городском пространстве и рефлексия о них в контексте практической деятельности и ситуативности жизни стали основанием не только для последующего экзистенциального опыта, но и для творческих исканий Шаляпина на оперной сцене: казанская повседневность приобрела художественный модус. В воспоминаниях Федора Ивановича Казань трансформировалась в субъективный идеальный конструкт. Ностальгические настроения Ф.И. Шаляпина как вечное возвращение в памяти эпизодов прошлого первоначально обладали рефлексивным и реставрирующим модусом. Но постепенно из-за разрыва с Россией и отсутствия энергичной подпитки пространством реставрирующая ностальгия, дарившая позитивную палитру эмоций, сдала свои позиции. Шаляпин осознал опыт потери ценного, связанный с пространственно-временным разрывом и невозможностью вернуться в прошлое с его любимым городским пространством. На первый план вышла рефлексивная ностальгия, в которой стали преобладать пессимистические ноты (о бренности бытия), что привело к трагедии – ранней смерти великого русского баса. Перечисленное свидетельствует об амбивалентности ностальгических настроений в экзистенциальном опыте Федора Ивановича Шаляпина. Проведенный анализ открывает перспективу дальнейших исследований проблемы ностальгии и ее влияния на жизнь и деятельность творческих личностей.

Список литературы

1. Бердяев Н. Самопознание. М.: Эксмо, 2021. 544 с.
2. Бердяев Н. Судьба России. М.: АСТ, 2010. 333 с.
3. Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.
4. Борщов А.С., Довгаленко Н.В., Ромащенко А.А., Ромащенко М.А. Ностальгия как экзистенциал в фокусе проблемы самосознания

- человека и философии города // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2017. № 5. С. 15-22. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2017-5-15-22>
5. Гольцман С.В. Ф.И. Шаляпин в Казани. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 192 с.
  6. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
  7. Замятин Д.Н. Гений и место: в поисках сокровенных пространств // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2011. С. 37-52. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1372/#> (дата обращения: 10.03.2024).
  8. Замятин Д.Н. Гений и место: Иннокентий Анненский в поисках сокровенных пространств // Вопросы литературы. 2016. № 1. URL: <https://voplit.ru/article/genij-i-mesto-innokentij-annenskij-v-poiskah-sokrovennyh-prostranstv/> (дата обращения: 10.03.2024).
  9. Карпани Дж. Под камнем могильным. URL: [http://www.notarhiv.ru/zarubkomp/bethoven/noti/1%20\(82\).pdf](http://www.notarhiv.ru/zarubkomp/bethoven/noti/1%20(82).pdf) (дата обращения: 10.03.2024).
  10. Кириленко К.Н., Коробова Н.А. Судьба архива Ф.И. Шаляпина // Встречи с прошлым. Сборник материалов ЦГАЛИ СССР. Выпуск 7. М.: «Советская Россия», 1990. URL: http://az.lib.ru/s/shaljapin_f_i/text_0020.shtml (дата обращения: 10.03.2024).
  11. Кулян-Козионова М.Э., Лешкова О.В., Щекина Е.Г. Город и его образ: дискурсы теоретического осмысления // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7, № 4. С. 42-61. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2023-4-42-61>
  12. Мустафокулова Н. И., Ганиева М. П., Ахунова Н. Т., Боронов Дж. Б. Особенности психосоматических проявлений при остром миелобластном лейкозе // Вестник ИПО в СЗ РТ. 2015. № 2. URL: <http://www.vestnik-ipovszrt.tj/?p=2055> (дата обращения: 10.03.2024).
  13. Ницше Ф. Черновики и наброски 1882–1884 // Ф. Ницше. Полное собрание сочинений в 13 т. М.: Культурная революция, 2010. Т. 10. 640 с.
  14. Пономаренко Ю. Дорогой папочка! Ф.И. Шаляпин и его дети. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2021. 288 с.

15. Пушкин А.С. Евгений Онегин. URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (дата обращения: 10.03.2024).
16. Скэрдеруд Ф. Беспокойство. Путешествие в себя. Самара: Изд. Дом «Бахрах-М», 2003. 480 с.
17. Федор Иванович Шаляпин. Письма // Федор Иванович Шаляпин. Т. 1: Литературное наследство. Письма. М.: Искусство, 1976. С. 321-618.
18. Федор Иванович Шаляпин. Т. 2. Воспоминания о Ф.И. Шаляпине. М.: Искусство, 1977. 600 с.
19. Федор Иванович Шаляпин. Т. 3. Статьи и высказывания. М.: Искусство, 1979. 392 с.
20. Чеснокова Л.В. Философские смыслы ностальгии как тоски по родному дому // Альманах современной науки и образования. 2016. № 1 (103). С. 126-129.
21. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах // Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. Маска и душа. М.: Кн. палата, 1990. С. 222–431.
22. Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни // Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. Маска и душа. М.: Кн. Палата, 1990. С. 25–221.
23. Яковлева Е.Л. Казанская Суконная слобода и Федор Иванович Шаляпин. К 150-летию со дня рождения русского баса // Музыка и время. 2023. № 11. С. 11-19. <https://doi.org/10.25791/music.11.2023.1260>
24. Яковлева Е.Л. Расколотость души Ф.И. Шаляпина как ключ к гениальности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12. № 2(43). С. 153-157. https://doi.org/.57145/27128474_2023_12_02_32

References

1. Berdyaev N. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: Eksmo, 2021, 544 p.
2. Berdyaev N. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: AST, 2010, 333 p.
3. *Boym S. Budushhee nostalg'ii* [The future of nostalgia]. Moscow: New Literary Review, 2021, 680 p.

4. Borshhov A.S., Dovgalenko N.V., Romashhenko A.A., Romashhenko M.A. Nostal'gija kak jekzistencial v fokuse problemy samosoznanija cheloveka i filosofii goroda [Nostalgia as an existential in the focus of the problem of human self-awareness and the philosophy of the city]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija*, 2017, no. 5, pp. 15-22. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2017-5-15-22>
5. Gol'cman S.V. F.I. *Shalyapin v Kazani* [F.I. Chaliapin in Kazan]. Kazan: Tatar Publishing House, 1986, 192 p.
6. Delez Zh. *Razlichie i povtorenie* [Distinction and repetition]. St. Petersburg: LLP TC "Petropolis", 1998, 384 p.
7. Zamyatin D.N. Genij i mesto: v poiskah sokrovennyh prostranstv [Genius and Place: in Search of Hidden Spaces]. *Literature of the Urals: History and Modernity*. Yekaterinburg, 2011, pp. 37-52. <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1372/#> (accessed 10.03.2024)
8. Zamjatin D.N. Genij i mesto: Innokentij Annenskij v poiskah sokrovennyh prostranstv [Genius and Place: Innokenty Annensky in search of hidden Spaces]. *Voprosy literary*, 2016, no. 1. <https://voplit.ru/article/genij-i-mesto-innokentij-annenskij-v-poiskah-sokrovennyh-prostranstv/> (accessed 10.03.2024)
9. Karpani Dzh. *Pod kamnem mogil'nyim* [Under the gravestone]. [http://www.notarhiv.ru/zarubkomp/bethoven/noti/1%20\(82\).pdf](http://www.notarhiv.ru/zarubkomp/bethoven/noti/1%20(82).pdf) (accessed 10.03.2024)
10. Kirilenko K.N., Korobova N.A. *Sud'ba arhiva F.I. Shaljapina* [The fate of the F.I. Chaliapin archive]. *Meetings with the past. Collection of materials TsGALI USSR*. Issue 7. Moscow: "Soviet Russia", 1990. http://az.lib.ru/s/shaljapin_f_i/text_0020.shtml (accessed 10.03.2024).
11. Kuljan-Kozionova M.Je., Leshkova O.V., Shhekina E.G. Gorod i ego obraz: diskursy teoreticheskogo osmyslenija [The City and its image: discourses of theoretical understanding]. *Russian Studies in Culture and Society*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 42-61. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2023-4-42-61>
12. Mustafakulova N. I., Ganieva M. P., Akhunova N. T., Baranov J. B. Osobennosti psihosomaticheskikh projavlenij pri ostrom mieloblastnom

- lejkoze [Features of psychosomatic manifestations in acute myeloblastic leukemia]. *Vestnik IPO v SZ RT*, 2015, no. 2. <http://www.vestnik-ipovsrt.tj/?p=2055> (accessed 10.03.2024)
13. Nicshe F. Chernoviki i nabroski 1882–1884 [Drafts and sketches 1882–1884]. *F. Nietzsche. Complete Works in 13 vols.* Moscow: Cultural Revolution, 2010, vol. 10, 640 p.
14. Ponomarenko Ju. *Dorogoj papochka! F.I. Shaljapin i ego deti* [Dear Daddy! F.I. Chaliapin and his children]. Nizhny Novgorod: DECOM, 2021, 288 p.
15. Pushkin A.S. *Evgenij Onegin* [Eugene Onegin]. <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (accessed 10.03.2024)
16. Skjerderud F. *Bespokoystvo. Puteshestvie v sebja* [Anxiety. A journey into yourself]. Samara: Publishing house “Bakhrakh-M”, 2003, 480 p.
17. Fedor Ivanovich Shaljapin. Pis'ma [Fyodor Ivanovich Chaliapin. Letters]. *Fedor Ivanovich Shaljapin. T. 1: Literary heritage. Letters.* Moscow: Iskusstvo, 1976, pp. 321-618.
18. *Fedor Ivanovich Shaljapin. T. 2. Vospominanija o F.I. Shaljapine* [Fyodor Ivanovich Chaliapin. Vol. 2. Memories of F.I. Chaliapin]. Moscow: Iskusstvo, 1977, 600 p.
19. *Fedor Ivanovich Shaljapin. T. 3. Stat'i i vyskazyvanija* [Fyodor Ivanovich Chaliapin. Vol. 3. Articles and statements]. Moscow: Iskusstvo, 1979, 392 p.
20. Chesnokova L.V. Filosofskie smysly nostal'gii kak toski po rodnomu domu [Philosophical meanings of nostalgia as homesickness]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*, 2016, no. 1 (103), pp. 126-129.
21. Shalyapin F.I. Maska i dusha. Moi sorok let na teatrah [Mask and shower. My forty years in theaters]. Shalyapin F.I. *Stranitsy iz moey zhizni. Maska i dusha* [Pages from my life. Mask and soul]. Moscow: Book Chamber, 1990, pp. 222-431.
22. Shalyapin F.I. Stranicy iz moej zhizni [Pages from my life]. Shalyapin F.I. *Stranitsy iz moey zhizni. Maska i dusha* [Pages from my life. Mask and soul]. Moscow: Book Chamber, 1990, p. 25-221.
23. Jakovleva E.L. Kazanskaja Sukonnaja sloboda i Fedor Ivanovich Shaljapin. K 150-letiju so dnja rozhdenija ruskogo basa [Kazan Cloth settlement

and Fyodor Ivanovich Chaliapin. To the 150th anniversary of the birth of the Russian bass]. *Muzyka i vremja*, 2023, no. 11, pp. 11-19. <https://doi.org/10.25791/music.11.2023.1260>

24. Jakovleva E.L. Raskolotost' dushi F.I. Shaljapina kak kljuch k genial'nosti [The cleavage of F.I. Chaliapin's soul as the key to genius]. *Azimet nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija*, 2023, vol. 12, no. 2(43), pp. 153-157. https://doi.org/10.57145/27128474_2023_12_02_32

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова»

ул. Московская, 42, г. Казань, РТ, 420111, Российская Федерация

mifoigra@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena L. Iakovleva, Doctor of Philosophy Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

42, Moskovskaya Str., Kazan, 420111, Russian Federation

mifoigra@mail.ru

SPIN-code: 3784-8642

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

ResearcherID: AAT-5412-2021

Поступила 01.03.2024

После рецензирования 15.03.2024

Принята 26.03.2024

Received 01.03.2024

Revised 15.03.2024

Accepted 26.03.2024